

Судьбы священников

ТЕТРАДЬ ИЗ ЧУЛАНА

В недавнем выпуске газеты “Вера” журналист В.Григорян, публикуя документы по истории Церкви в Коми крае в послевоенные годы, довольно скупо рассказал о священнике Михаиле Филаретовиче Вишерском. Между тем этот человек - единственный, через кого связуются дореволюционное и нынешнее священство в Коми. Из прежних коми пастырей он один остался служить в родном краю - остальные были сосланы, убиты. В моем домашнем архиве имеется значительное количество документальных материалов об отце Михаиле, и я хочу познакомить читателей с некоторыми из них.

Вначале несколько слов о том, как они попали мне в руки.

Дочь о.Михаила - Галина Михайловна Игнатова - работала учительницей в моем родном селе Помоздино. В начале 70-х годов я узнал, что о.Михаил скончался, а в местечке Кочпон под Сыктывкарком остались на хранении у чужих людей вся его богатая библиотека, архив и домашнее имущество, в том числе и фисгармония. Я попросил Галину Михайловну, чтобы продали эту фисгармонию для моего домашнего музея. С письмом от нее отправился в Кочпон, в собственный дом о.Михаила, где теперь проживала бывшая его служанка Елена Николаевна Забоева. Она разрешила забрать все из оставшегося от священника имущества, что может пригодиться для музея, кроме икон. Между прочим, Елена Николаевна сказала, что несколько месяцев назад приезжали к ней монахи из Загорска и увезли с собой все более или менее ценные книги, которых было очень много (“Целый грузовик нагрузили они разного имущества, но больше всего там было книг да икон”, - сказала она), но там, в сарае, есть чулан, где остались еще какие-то бумаги, а

также старые вещи его...

В этом чулане оказалось сваленными в кучу множество советских журналов и разнообразных учебников и справочников. И на каждой книге стоял штамп: "Священник Мих. Филар. Вишерский". Я отобрал для себя несколько сот таких книг, показавшихся мне наиболее интересными с точки зрения характеристики интересов сельского священника (теперь можно написать целую статью - "Что читали наши священники в прошлом"). Наиболее интересными находками в этой куче оказались случайно забракованные и оставленные загорскими монахами семь рукописных книг, большинство из которых были написаны самим о.Михаилом, а также рукописная книга "Дискант", составленная разными почерками в разное время (сборник содержит 125 песнопений духовных). Было там и рукописное "Житие святого праведного Филарета Милостивого", датируемое серединой XVIII века. Но самой замечательной находкой оказалась для меня тоненькая тетрадь с черновыми набросками "Автобиографии" и "Послужного списка" Михаила Филаретовича, написанными им самим около 1962 года.

К сожалению, черновик автобиографии сохранился лишь с восьмого листа - очевидно, первые 7 листов были выдраны и уничтожены самим о.Михаилом, показавшиеся ему слишком "крамольными" из-за трагичности и драматичности судьбы его близких и его самого... Но вот несколько отрывков из сохранившегося. Даже по ним можно судить о непростой жизни последнего выпускника Вологодской семинарии.

В квадратных скобках - мои дополнения.

"После окончания учения в Вологодской Духовной Семинарии я поступил учителем при с.Деревянске [село недалеко от Усть-Кулома] и прослужил там около 7 лет с 1918 г. по 1924 г.

В 1924 г. я был уволен Устькуломским РОНО с учительской должности “по религиозности”, как говорилось в Указе, т.к. я ходил в церковь и пел, и читал на клиросе.

По увольнении с 1925 года я жил дома в с.Деревянске и занимался земледелием и между прочим исполнял псаломщическую обязанность при Деревянской Христорождественской церкви. В 1929 г. я приглашен был находящимся в нашем селе в ссылке епископом Иоанном Туровским быть у него келейным и проводить его на Украину. Он обещал, если понравится мне тамошняя жизнь, произвести меня во священники. Я согласился, и он там, в гор. Рыльске Курск. губернии, при кафедр. соборе посвятил меня в 1929 г. сначала диаконом, а потом [в том же году] и священником. Я при нем келейничал и служил.

Соскучившись по Коми краю, в 1930 г. я отпросился в Коми-му землю и здесь в 1930 г. был назначен к Усть-Немской св.Троицкой церкви Усть-Куломского района Коми АССР.

Прослужив при этой церкви около 6 лет, я в 1935 г. был постановлением Особого Сопещения при НКВД без суда осужден “за участие в к/р [контрреволюционной] группе”, как значилось в выписке протокола, за защиту оной Троицкой церкви от чрезмерных налогов. Я был осужден на 3 года в ИТЛ [исправительно-трудовые лагеря].

Отбыв срок наказания, я был освобожден 7 ноября 1937 г. по документу о реабилитации за N 509917 Управления Байкало-Амурской ИТЛ, 8 отряд.

Придя домой из Бам-лага, я в родных краях не застал ни одной открытой действующей церкви: все они были закрыты, а священники угнаны по лагерям, и мне пришлось поселиться в своем селе Усть-Кулом и поступить на работу при инвалидной мастерской им. Чапаева в качестве часового мастера.

Около 1947 года, наконец, открылась в Коми республике

первая церковь - в деревне Кочпон, и я по приглашению верующих и настоятеля Кочпонской церкви иеромонаха Мелетия Кривошапова подал прошение о назначении меня туда [священником]. И там я прослужил с 1947 г. до 1962 г., около 14 лет.

В 1962 г. переведен... в настоятели к Св.Вознесенской церкви с.Иб, Сыктывдинского р-на, где и служу до настоящего времени”.

* * *

В конце этого “Послужного списка” о.Михаил набросал своей рукой отрывок песенки в стиле “черного юмора”, очевидно, сочиненной им самим на ходу. Песенка написана по-коми:

Тані,	тані	-	ад	гуран
Ад	гуран,	гуран,	гуран!	
Он	и	тодлы	-	друг
Друг	сюран,	сюран,	сюра-а-а-ан!..	

Портын пусян сир сорон...

В буквальном переводе на русский содержание этой шуточной и в то же время грустной песенки будет такое:

Здесь адова пропасть, пропасть, пропасть!
И даже не заметишь, как вдруг окажешься
В котле с кипящей смолой, смолой, смолой...

И еще один заключительный автограф отца Михаила содержится в этой тетрадке: это пасхальное поздравительное письмо его к какой-то Анюте, очевидно, близкой родственнице:

“4 мая 1962 г.

Воистину Хр.Воскресе!

Спасибо тебе, дор. Анюта, за твое поздравление. Ты всегда меня опережаешь...

Живем мы так ничего, но есть новости: моя супруга болеет печенью и теперь лежит в больнице... Я же завтра уезжаю в село Иб, 50 км отсюда. Наш владыка Иннокентий назначил

меня туда настоятелем, так как там священник о.Илья Субботин снят уполномоченным Рочевым Е.Е. с регистрации, и потому церковь там пустует, и боятся [верующие], что ее могут закрыть. Не знаю, долго ли мне придется там побыть... Супруга же моя не хочет переезжать, и она по выздоровлении будет жить дома.

Храни тебя Бог!”.

Как потом я выяснил, письмо адресовано родной сестре священника Анне.

Михаил Игнатов

ПОСЛЕДНИЙ СВЯЩЕННИК ВЛАДЫЧНОГО ГРАДА

Автор этих заметок - Августина Николаевна КИРИЛЛОВА, дочь репрессированного священника, 69-летняя сыктывкарка, до пенсии проработавшая школьной учительницей в Печоре. В ее домашнем архиве хранятся и опубликованные на этих страницах фотоматериалы.

И заметки, и фотоматериалы посвящены одному человеку, о.НИКОЛАЮ Кириллову, устьвымскому благочинному, священнику последней из действующих перед войной церквей в нашем крае. После закрытия ее в 1937 году, властям, как они надеялись, удалось навсегда покончить с сословием “реакционных клерикалам”, - с Владычного города Усть-Выми. Стефаном Пермским когда-то начиналось христианское просвещение края, здесь же, в Стефановской церкви оно и закончилось...

Сегодня в храме, где служил о. Николай, снова вино пресуществляется в Кровь Христову. Но чтобы восстановить связь времен, нам надо узнать все о том, чьей кровью оплачено это возрождение.

И.ИВАНОВ.

Почему в Сыктывкаре не могут найти места захоронений жертв сталинских репрессий?

В 1956 году, 23 марта я получила из прокуратуры Коми

АССР письмо: “По Вашему заявлению, поступившему из Прокуратуры СССР, дело вашего отца Кириллова Н. К. пересмотрено, он по нему реабилитирован”. Но в том, что мой отец невиновен, я не сомневалась. В справке нет главного - я как раньше не знала, так и теперь в неведении, где он похоронен.

Однажды я обратилась с этим вопросом к работнику КГБ. Он удивился, зачем, говорит, это вам знать? Сказала, чтобы можно было прийти туда, поклониться памяти отца, ухаживать за могилой. Мы не знаем, где эти захоронения, - ответил он. Только потом признался, что, возможно, хоронили где-то в Верхнем Чове.

Еще я слышала, что на месте этих братских могил сразу же высаживали деревья, - чтоб их было не найти. Так что теперь отыскать эти захоронения почти невозможно. Но ведь если нет об этом сведений в архивах, должны же быть живы те, кто хотя бы примерно знал их местонахождение! Чем раньше эти захоронения найдут, тем лучше. Воздвигнуть на этом месте памятник жертвам сталинских репрессий, - конечно, не за счет государства, а за счет трудящихся. Я уверена, откликнутся люди, ибо во многих семьях в 30-е годы были репрессированы близкие и дальние родственники.

* * *

Мой отец, Кириллов Николай Клеоникович родился в с. Чакула Котласского района Северной области - значилось в его паспорте, на самом деле - Котласского уезда Архангельской губернии. Сын священника, и сам он, и его брат Александр пошли по стопам отца. Оба закончили Вологодскую духовную семинарию, стали священниками, Александр - в Великом Устюге, а моего отца в 1899 году направили в с. Онежье.

В 1913-м он был переведен в Усть-Вымь. В то время в Усть-Выми было два прихода - погостский и заручейный. Отца

определили ко второму (погостский был побольше, там служил о. Малиновский), и он стал настоятелем храмов Михаила Архангела и Стефана Пермского.

Семья поселилась в доме, принадлежавшем приходу. О. Николай был назначен благочинным, в его ведении оказались приходы на территории Усть-Вымского, Удорского и части Усть-Сысольского районов, а также сельсоветов Прокопьевского, Часовского, Палевицкого. В 1913 году в селе торжественно было открыто земское высшее начальное училище. Отец стал вести в нем, как и прежде в церковно-приходских школах, Закон Божий. Три учителя должны были вести одиннадцать различных предметов, поэтому он иногда преподавал и математику.

События 1917-1918 годов застали о. Николая еще и в должности председателя волостного земского собрания. Но уже летом 18-го года уездный Съезд советов земства разогнал.

* * *

В 1913 году у отца родился сын Николай, которого, когда он подросток, считали в селе дефективным. Четыре года он просидел в первом классе школы и был отчислен. Он стал помощником отцу до самых последних дней. В селе у нас был хороший звонарь - и вот, глядя на его работу, Николай постепенно научился звонить сам. А звоны колокольные тогда были не то, что теперь: на каждый случай был свой звон. На Пасху - один, утром, сзывающий на богослужение - другой. Был особый звон по умершему - и люди, слыша его, выходили из домов, спрашивали, - кто умер? По тревожному отрывистому колокольному звону узнавали о пожаре и выбегали с ведрами, на колокол выходили потерявшиеся в лесу грибники.

Была у Коли и еще одна черта - любил он петь. Случится что-нибудь в селе - и он тут же сочинит песню. Идет по селу, поет, как может об этом. Вскоре после ареста отца его

отправили в дом-интернат для душевнобольных, где он и умер через год, как нам сказали, от простуды.

* * *

В церкви папа совершал службы каждый день. Иногда вечером не служил, особенно в последние годы, когда, чтобы кормить семью, стал чаще ездить на рыбалку. Еще в 20-х годах храм был во время богослужений почти всегда полон, и только в середине 30-х годов посещать храм стало меньше народу. В эти годы часто отца приглашали домой - тайно крестить и отпевать. Но пожилых верующих отпевать везли все-таки в храм.

У отца был очень приятный низкий бархатистый голос (но не бас). Все службы и молитвы он знал наизусть, помню, как-то раз я пришла в храм и там расшалилась-разбегалась. Женщины (в основном они ходили в церковь) остановили меня, сделали выговор: вон у тебя отец какой, а ты какая! Отца прихожане уважали. Потом, учась в школе, в церковь я уже не ходила.

Перед праздниками в храме наводили особенный порядок и чистоту. Приходили женщины со своими тряпками и скоблили неокрашенные доски пола и лавки добела. А когда случались престольные праздники в соседних деревнях, отца приглашали туда служить молебны.

После Пасхи, когда земля еще только открывалась из-под снега, возле церкви мужики ставили большие качели - для взрослых. Расхаживали на ходулях, делали карусель для детей. Торжественно прохаживались по берегу. У нас дома вешались качели для детей.

Двадцатые годы были еще более-менее благополучными для нашей семьи. На Пасху отец по традиции ставил два стола буквой Г - один для родни и знакомых, другой для бедных. Отец никогда не скупился на подавание нищим. Давал им всегда деньги мелочью, а не хлебные куски. В праздники он ходил совершать молебствия по домам.

Такой, как сейчас, в то время таксы за это не было. Но всякий, кто приглашал священника, старался как-то его отблагодарить. Отец знал всех в селе, знал, кто как живет, поэтому у некоторых он решительно отказывался брать.

Дома на Пасху всегда пекли куличи. Один кулич был большой - на всех, а каждому из детей доставалось еще по одному куличу: кто постарше, тому побольше, а самому младшенькому - кулич крохотный. Были у нас для их выпечки специальные металлические формы, которые потом, после ареста отца, у нас забрали - зачем? На Рождество Надя (она была на 8 лет старше меня) вместе с папой делали звезду на палке из обмолоченных ржаных колосьев (делали как-то так, что она крутилась), и Надя ходила по селу славить. С ней ходили и другие девочки - им давали всякие угощения.

* * *

На одном из этих снимков мой отец сфотографирован с его первой женой Агнией. Брак с ней был для отца несчастным. В 1916 году, незадолго до революции, оставив на руках у отца и няньки 5-недельного ребенка, она уехала будто бы на богомолье в монастырь и пропала. В селе все обо всех знают, и отец, я думаю, знал, что жена ему изменяет. Но ничего не предпринимал. И вот она сбежала. Вообще-то священник не имеет права жениться во второй раз. Но на руках у отца было уже четверо детей, престарелая мать (в честь нее меня, родившуюся в 1924 году, называли Августой). И вот, с разрешения архиерея, отец женился во второй раз на няньке своих детей, моей матери Елизавете Александров

* * *

Во время Гражданской войны Усть-Вымь переходил из рук в руки. 13 ноября 1919 года в село вошла добровольческая рота капитана Орлова. Были захвачены красные активисты, в числе них - красный комиссар волости А. С. Ворсин.

Некоторых расстреляли. Но Ворсина от верной гибели спас мой отец, спрятав у себя. Когда зимой того же года в село вернулись красные, они схватили отца и повели его на расстрел. Тогда уже красный комиссар Ворсин спас отца.

Когда Ворсин умирал, он наказал своим детям всегда помнить о Николае Кириллова. Об этом мне рассказала его дочь Зинаида Алексеевна Ворсина (Сазанович по мужу) много лет спустя. А с бывшим комиссаром Ворсиным я работала потом вместе в колхозе. Я, состоя в ревизионной комиссии, проверяла его хозяйство (он был завхозом). А он относился ко мне хорошо.

* * *

Всего у отца было 11 детей, четверо - от первой жены, еще семь нажили с моей матерью. 3 умерло еще в детстве. Отец был прирожденным воспитателем. Не припомню от него ни одного плохого слова, всегда говорил ласково. Запомнился, почему-то, один случай. Сажу на полу, вожусь с куклой. Папа просит меня подмести пол. Сейчас, - отвечаю я, и продолжаю натягивать никак не поддающееся платье на куклу. Папа берет метлу сам и без слов подметает пол. Когда я бросилась подметать, все уже сделано и мне ужасно стыдно. После этого мне отец что-то скажет сделать, и ему уже не надо повторять.

Когда семья большая, нельзя, чтобы в доме отсутствовал распорядок. У нас было заведено так, что всегда в одно время собирались обедать, ужинать, и чем бы кто ни занимался, за столом должен быть. После еды отец обращался к нам, детям: "А теперь поблагодарим Боженьку за то, что Он дал нам покушать". Мы крестились, благодарили Бога. Отец, человек мягкий, в этих вопросах вообще никакого насилия не применял. Но воспитывались мы при нем в уважении к церкви.

Через несколько месяцев после поступления моего в школу нас приняли в октябрята. Учительница провела с нами

беседу о том, что Бога нет и молиться Ему не надо. Это для меня было потрясающим открытием. Еще не добежав до дому, я кричала отца, чтобы поделиться с ним новостью. Он выслушал меня, ничего не сказал, а когда все собрались за столом, сказал: “Теперь Густя у нас стала наполовину коммунистом”. С тех пор он больше не просил меня помолиться. Когда я вступила в пионеры, он сказал только, что “вот, теперь ты настоящий коммунист”. Наверное, он не хотел, чтобы с детства человек раздваивался. С тех пор, после его ареста, меня всю жизнь так и воспитывали, что церковь не нужна. Уже когда я стала педагогом, нам волею-неволей приходилось выступать на антирелигиозные темы. Но я никогда против Бога не говорила. Когда нас заставляли, я выбирала темы о религиозных течениях: о православии, о буддизме и т. п.

В комсомол я вступала, когда отца уже не было в живых. В числе прочего у меня спросили, как я отношусь к отцу своему, служителю культа, врагу народа. Я сказала, что люблю его. Комиссия возмутилась, и я с ревом выскочила из кабинета. Ситуация повторилась и во второй раз, и только с третьего меня приняли, уже ни о чем не спрашивая в рабочем порядке.

* * *

В 1922 году отца с семьей из восьми человек выгнали из дома, который принадлежал церкви и был построен около нее. Дом отобрали. Три года ютилась семья “на квартире” из одной полуподвальной комнаты, пока отец не построил новый дом из четырех комнат. Это было в 1925 году.

* * *

Сразу после революции у церкви реквизировали принадлежащие ей поля, на которых сеялись рожь и ячмень. Остался только приусадебный участок, где отец сажал картофель. Но скоро частично мы лишились и этого. Нас решили раскулачить, потому что отец имел 1,5 коровы. То

есть была одна корова, а вторую держали напополам с соседом. Отец срочно продал полкоровы, и вопрос о раскулачивании отпал. Но землю у нас отобрали, остался участок около дома. Даже в войну, когда на фронте сражался за Родину мой брат (там он лишился руки), нас окончательно хотели лишить земли из-за того, что мама по болезни не могла отработать 60 трудодней в совхозе.

Началась коллективизация в Усть-Выми. К отцу приходили сельчане за советом, вступать ли в колхоз. Отец всегда отвечал положительно. Некоторые, недовольные ответом, уходили, ворча: “Поп - коммунист агитирует за колхозы”. Но отец понимал, что иначе людям могло бы быть только хуже.

И сам отец обращался к председателю: “Примите меня в колхоз, и я выращу цветущий сад”. Ответ отрицательный. Тогда он просил: “Примите мою семью, если меня не хотите принять, и я выращу такой сад, какой вы не видели ни в одном уголке республики”. Опять ответ отрицательный. Отец ведь был лишенцем.

Около дома росли деревья. На грядках и в парниках росли и вызревали помидоры, огурцы, он сеял лен и коноплю, кругом росли кусты черной и красной смородины, малины, крыжовника. Сейчас все это выращивают повсеместно в республике, а тогда было редкостью. Однажды отец вырастил большую тыкву. Для наших мест это был диковинный овощ. Ее у нас украли. Потом мы случайно нашли ее выброшенной кем-то в ручей. Видимо, не знали, как ее есть.

Мать приняли в совхоз лишь, когда отца не стало, в 1939-м. После его ареста маму заставили оформить с ним развод и переменить фамилию на девичью (Амосова). Обещали, что тогда снимут налоги, которыми всегда давили нашу семью, и примут в совхоз.

* * *

Разбили колокольню в Усть-Выми, Вознесенский и Благовещенский храмы. Взрывы потрясали округу ночью. Уничтожали архитектурные памятники, построенные вручную простым талантливым народом.

Делалось это при председателе райисполкома Катаеве, не без его участия. В ту пору райцентр располагался в Усть-Выми, и он жил здесь. Позднее он стал председателем президиума Верховного Совета Коми АССР. В честь него названа улица в Сыктывкаре. Михаиле - Архангельская церковь сохранилась, потому что еще в 30-х годах она оказалась за высокой проволокой - на территории зоны. В ней жили заключенные.

* * *

Начались гонения на церковь. Отца дважды арестовывали, но, за неимением улик, отпускали. Неоднократно закрывали церковь. В 1932 г., после очередного закрытия церкви, отец поехал в Москву к Калинин. Пароходом до Котласа и дальше поездом. М. И. Калинин беседовал с отцом два часа. Чем-то мой отец ему понравился, и он посоветовал папе уехать куда-нибудь далеко, например, в Сибирь, где бы никто отца не знал, и там поступил на советскую работу. Говорил, что это у него хорошо получится. Отец сказал, что уехать не может: и денег нет, и семья большая, и работу священника нельзя сменить, потому что она на всю жизнь.

Церковь открыли, и отец служил в ней до августа 1937 года, вплоть до ареста.

* * *

Однажды отец выплатил огромный налог, но осталась недоплата 40 рублей. Он пошел пешком хлопотать, чтобы освободили от уплаты этих злополучных сорока рублей. В отсутствие отца все имущество описали за неуплату этой суммы, пришли представители советской власти и общественности (понятые), которые не умели даже расписываться и ставили крестики. Мать, увидев

обидчиков, спряталась в гардероб, думая, что не посмеют выносить без хозяев имущество. В доме были лишь дети. Но это не остановило пришедших. Ухватились за гардероб и понесли. Матери пришлось выскочить из него. Раздался дружный хохот. Мать молча глядела на происходящее, как будто ее опоили.

Вдруг раздался голос председателя: “Обыщите хозяйку, нет ли при ней золотых вещей или каких - либо драгоценностей!” Опомнилась мать, заплакала, запричитала, ей в унисон завывали дети. Сухая, темная, закутанная в полушалок, провалившаяся в старость, неграмотная (в школе ведь нигде не училась). А ей в ту пору не было и сорока лет. Мучила ее эпилепсия, которую получила она из-за расстройства нервной системы после первых арестов отца. Никакой жалости к женщине, и односельчане превратились в хищников. А председатель сельсовета ведь был даже дальним родственником матери. На четырех подводах увезли два кресла, письменный стол, раздвижной обеденный стол, горку, буфет из красного дерева, кровать, венские стулья, часы настенные с боем, самовары, медные тазы, перины, даже детские коньки - снегурочку, которые привез отец, когда ездил в Москву к Калинину. В то время таких коньков ни у кого в селе не было...

В тот же день на торгах все распродали, а часть между собой распределили. Интересно, за сколько же все распродали, если один диван стоил по тем деньгам более ста рублей?

Вернулся отец из Сыктывкара - освободили от уплаты задолженности в 40 рублей. О, ужас! Вдоль стены висят кастрюли, чашки, поварешки, ложки... Думаете, что-то вернули? Ничего подобного. Даже не извинились.

За этот неблагоприятный поступок многие люди обозлились на председателя сельсовета Амосова. Вслед ему стали

плевать, говоря: “Ирод! Попа - то разорил, а кому он сделал плохое? Сколько тебе перепало награбленного? Подавись! Проклятый, ведь Бог - то тебя накажет!” Родственники председателя старались свернуть в сторону, стыдно было здороваться с ним.

Прошла неделя, другая... Неожиданно приходит к отцу этот председатель (жил недалеко). Дети насторожились. Думали, может пришел извиняться. А он попросил у отца взаимнообразно шесть рублей. Столько стоила тогда бутылка водки. К отцу часто приходили соседи занять в долг. Отец, если деньги у него были, отдавал последние. Председатель - ни слова о том, что ранее произошло. Загадочно, почему он пришел к отцу? Мог ведь и у других попросить.

Вернувшись домой, жене и детям сказал: “Идите, погуляйте. Я устал, надо мне немного отдохнуть”. Вечером разнеслась молва по селу - председатель сельсовета повесился.

Отец жалел его. Мол, наверно, не по своей воле раскулачивал и разорял людей. Почему он такой конец себе избрал?

* * *

Жить становилось все тяжелей. Спали теперь на матрацах, набитых соломой, ели за столом, срубленным топором. Священников считали эксплуататорами, но какой же отец эксплуататор, если не имел для выхода сменных брюк! Картофель, грибы, ягоды, рыба, капуста - вот вся наша пища.

Отец вставал в 3-4 часа утра, растапливал печь, и когда в доме все еще спали, уходил в церковь затапливать печь там. Дров не хватало, поэтому в церкви во время служб всегда было прохладно зимой. Редко удавалось где-то дров прикупить, иногда приносили верующие по чурбачку - другому. И дома топить было нечем. Весной выходили к реке и вылавливали плывущие коряги, щепки и бревна,

потом сушили. Все дети трудились, даже малыши. Кто дрова таскает с реки, кто идет за грибами и ягодами в лес, кто пилит дрова - все, как муравьи, заняты. У папы была лодка и два небольших стружка. Летом и осенью он с прихожанками заготавливал сушеной и соленой рыбы до весны.

* * *

Отец всегда детям находил ласковые слова. Когда мы кушали, он подходил, и каждого гладил по головке, приговаривая: "Два (три, четыре) Степана у сметаны питаются". Он в эти слова вкладывал столько тепла и нежности!

Но скоро уже стало совсем туго с едой. Продавать дома было уже нечего (дело было после реквизиции). А зубы ведь на полку не положишь. У отца был наградной крест, наверное, из золота. Он решил снести его в город, в торгсин. Ходили с Колей. Вернулись обратно, привезя за отпиленные в торгсине полкреста целые санки продуктов. Разгрузили их в амбар. Наутро амбар был пустой. Кто-то все украл. Пришлось потом отнести в торгсин вторую часть креста.

Конечно, мы знали, кто примерно мог это сделать. Скорей всего кто-то из Быковых - в Усть-Выми жила всего одна семья воров. Одного из них - Андриана отец однажды почти поймал на месте кражи, когда тот ночью снял с изгороди сушащийся бредень и пытался унести его.

Потом в материалах дела на отца, среди тех, кто донес на него, я увидела имя Андриана. Может, не по своей воле донес, вынудили!

* * *

Однажды, в августе 1937-го, отец собирался на рыбалку, но какую - то тяжесть чувствовал на сердце, отложил ее на следующее утро. В это время квартиранты, которые у нас занимали две комнаты из четырех, были в отъезде, и я

находилась в их половине с ребенком, за которым меня попросили присмотреть. Утром стучится мать: ночью забрали отца, и он так и не вернулся.

Два дня от него не было ни слуху, ни духу. Тогда мать мне говорит: “Иди к тюрьме и громко крикни “Папа!” Подошла к тюрьме, деревянному домику, обнесенному колючей проволокой, под охраной милиционеров. Очень боялась, даже не дышала, - мне в ту пору было 13 лет. Закричала: “Па - па!” В ответ услышала:

“Я здесь, доченька!” Я бросилась бежать.

Потом мама не раз ходила, просила с ним свидания, но ей так и не дали. За это время отец попросил надзирателя, чтобы открыли церковь и передали семье оставшиеся в казне деньги. Мы сидели без копейки. Просьбу удовлетворили: в казне оказалось 30 рублей мелочью.

Перед отправкой отца в город разрешили одну передачу: мама передала ему теплые вещи и чугунок вареной картошки. Отец передал в носовом платке детям горсть маленьких кусочков сахара. “Это от меня детям гостинец”, - сказал он матери со слезами на глазах.

* * *

Опять обыски, описи... Отобрали амбар и перевезли в колхоз, увезли целую подводку - все личные вещи отца, тулуп, шкаф, зеркало... В доме нам оставили маленькую клетушку (кухню) на 6 человек, насквозь продуваемую, а в дом наш вселили секретаря райкома. Шуктомова. Иконы из дома вывезти не успели, и я спрятала их, большую стопку, в голбце. Говорят, эти иконы потом нашли и сожгли. В подвале я случайно обнаружила спрятанную отцовскую медаль (или орден?), показала матери, но она тут же отобрала ее и спрятала. Отобрали и землю, оставили небольшой глинистый участок, на котором ничего не родилось. Обрекли на вымирание “поповское отродье” - шестеро детей и женщину - инвалида 2-й группы, с

недельным ребенком на руках (только накануне ареста мать выписалась с малышом из больницы).

* * *

Спустя некоторое время села я на пароход и поехала в Сыктывкар, узнать, что с отцом. Сыктывкарский родственник помог мне написать заявление в НКВД. Отдала заявление, и мне сказали зайти назавтра. Так кормили меня “завтраками” в течение недели, и я уехала обратно ни с чем. Письма от отца все не было. Значит, осужден без права переписки. А это значит - навсегда. Это почти наверняка - расстрел.

Вспоминаю отца в последние дни. Седой, как лунь. Ему 58 лет. Преждевременно состарившийся человек. А ведь он никогда не жаловался на здоровье, не употреблял лекарств, не обращался к врачам. Состарился от такой жизни. Он всегда был очень сдержанным человеком и внешне спокойным, но что было у него на душе?

А сколько лет жизни украдено у мамы? Сказали ей: можете выйти замуж во второй раз. Никто не задумался, как согласовать такое “любезное” разрешение с официальным приговором, в котором отнюдь не говорилось о смерти. За всю жизнь так и не получила ни копейки пенсии (умерла в 1985 от инсульта). Помню, как мама в те годы иногда исчезала из села, а потом появлялась с кусочками хлеба и угощала нас. Она ходила побираться, просить милостыню.

* * *

10 сентября 1937г. постановлением Тройки УНКВД Коми АССР отец был приговорен к расстрелу, а 12 сентября он был расстрелян.

* * *

Как много допущено ошибок!

Арест - ошибка.

Расстрел - ошибка. Ведь раз отца реабилитировали, значит, он был невиновен.

Получили из МВД Коми на память паспорт отца, заполненный 18.12.1936г. Даже в нем допущено две ошибки: фамилия написана с одной буквой “л”, а отчество, вместо Клеонинович, - Клеопатрович.

Получили свидетельство о смерти - расстреле из Айкинского ЗАГСа - и тут то же: написано, что он расстрелян в возрасте 78 лет, а не 58.

Кругом ошибки! Когда они кончатся!?

ПОСЛЕСЛОВИЕ

“ГОСПОДЬ ВАС НЕ ОСТАВИТ!”

Воспоминания Августины Николаевны Кирилловой о своем отце - последнем усть-вымском священнике Николае Кириллове, расстрелянном в 1937 году, частично мы публиковали в три года назад в NN103-104 газеты.

Мало кто знает, что о.Николай Кириллов сохранил для потомков уникальный исторический документ - Вычегодско-Вымскую (Михайло-Евстихиевскую) летопись. Эта летопись прослеживает всю историю Великопермской епархии, начиная с момента основания в 12 веке города Великого Устюга, где в последствии родился просветитель Перми, и, кончая 17 веком, когда центр Великопермской епархии переместился из Усть-Выми в Вологду и епархия стала называться Вологодской и Пермской. Так было угодно Богу, что хранитель летописи сам стал и ее продолжателем.

В этом году исполняется 60 лет со дня гибели отца Николая. И вот новые факты... В этом номере продолжаем публикацию ее воспоминаний..

Е.Суворов.

В XVIII веке в Усть-Выми на двух высоких холмах были построены четыре каменные церкви, они были видны за десять верст. На одном холме, по преданию насыпанном местными жителями в благодарность святителю Стефану (землю носили шапками), были построены Благовещенская

и Стефановская церкви. Холм был окопан валом. А на втором, Заручейном холме - церкви Вознесенская и Михайловская, там и служил мой отец, Кириллов Николай Клеоникович.

Вознесенская церковь была трехэтажной. На первом этаже - отпевали покойников, на втором - служили, а на третьем была колокольня. Причем колоколов было много. Звонарем был Вася Жига - умелец по колокольному звону, знал нотную грамоту. На Пасху звонил одну мелодию, на Рождество - другую, к заутрене или обедне - третью, на похоронах звонил жалобно, а во время пожаров или кто заблудится в лесу - бил в набат. Колокольный звон раздавался далеко окрест. В 30-е годы, когда Вознесенскую церковь закрыли, на ее территории сделали одно из обширных подразделений ГУЛАГа - Устьвымлаг. Там томились безвинные жертвы беззакония и террора. Потом заключенных перевели на другую сторону Выми, в Вогвадино, а церковь разрушили. Среди узников Устьвымлага был и мой отец, до своего ареста служивший в этой церкви.

Кроме служения протоиереем на своем приходе, он вел большую общественную работу: был благочинным по Усть-Вымскому благочинию и одновременно состоял председателем волостного земского собрания. После окончания Вологодской семинарии в 1899 году отец немного служил в Онежье, а затем 37 лет в Усть-Выми. Среди прихожан по всей округе пользовался любовью и искренним уважением. Благочинным он был избран всем миром - религиозными общинами Усть-Вымского, Удорского, Прокопьевского, Часовского, Палевицкого и части Усть-Сысольского сельсоветов. Одновременно вел в Усть-Вымском училище Закон Божий. Когда началось строительство Заручейной школы, оказывал активное содействие этому строительству.

В свободное время отец все над чем-то работал. У него хранились старинные летописи, сам что-то постоянно писал на хорошей бумаге. Сверху листа был изображен ангелочек, а по бокам цветочки. Когда садился за письменный стол, просил: “Дети не мешайте мне, я работаю”.

Всего себя он посвятил служению Богу и прихожанам, до конца жизни оставаясь подвижником. Даже среди духовенства пытался создать профсоюзную организацию. Каждый день он служил заутреню и вечерню, иногда обедню. Служить при большевиках было опасно. В 30-е годы начались страшные гонения на верующих. В основном церковь посещали люди пожилые. Не дай Бог, если в школе у ребенка обнаружат крестик! В любое время отец принимал прихожан, страждущих утешал и укреплял словом Божиим, давал советы, писал прошения на снижение налогов. У него был удивительный дар утешения, такой нужный людям в то трудное время, чем невольно привлекал он к себе сердца людей. Проповеди произносил каждое воскресенье на темы Священного Писания и в защиту религиозных истин. В любую погоду шел по просьбам пешком на отпевание, крещение, исповедь в соседние села за 5-8 километров (машин тогда не было).

Семья у нас была большая - шестеро детей. Приход был небольшой, население жило бедно. Доходы от церкви шли только на уплату налогов, да и то не хватало. Налогами “душили”: после уплаты очередного налога облагали еще большим. Мы кормились за счет леса и огорода. Работали на огороде и ходили всей семьей в лес за ягодами и грибами. Земля за заботу отдавала сторицей. Отец еще ловил рыбу.

Помню, когда мне было пять лет, сели завтракать. Ели мы всегда все вместе, все что было, делили поровну, чтоб досталось всем. Тогда после завтрака пили чай с маленьким кусочком сахара. Это было счастьем, потому что сладостей

мы не видели, и мне так захотелось еще кусочек сахара. Я захотела взять его без спроса. Сахарница находилась на верху шкафа из красного дерева, где стояла посуда. Я подтащила стул, взяла кусочек сахара, а когда слезала, нечаянно уронила шкаф и вся посуда разбилась. Когда все сбежались на шум, отец запретил меня наказывать и смеяться надо мной, сам не выронил ни одного слова упрёка. “Пусть это послужит ей уроком”, - сказал он. Действительно, этот кусочек, который я так и не съела, послужил мне уроком. Я поняла, что поступила нехорошо, несколько дней не могла никому смотреть в глаза. Отец очень любил детей, никогда не наказывал нас. Мне кажется, он чувствовал за собой вину, что не может своих детей лучше накормить. Он пытался всю свою теплоту передать нам, и мы ему отвечали ответной любовью. Всегда нас называл ласковыми именами: Наденька, Коленька, Густенька, и если что-то просил сделать, то обязательно добавлял “пожалуйста”.

В церкви отец служил один, помогал ему сын Николай, который был дефективный, но очень трудолюбивый. Все хозяйственные работы по церкви ложились на плечи отца. Отец вставал в 3-4 часа утра, топил печь в доме, потом шел топить церкви. Вместе с Николаем пилил и колол дрова. Сам занимался уборкой церкви. Перед Пасхой и Рождеством была генеральная уборка. На нее отец звал прихожан, и они приходили со своими тряпками, ведрами. Пол был некрашенный, терли его дресвой до белизны.

Когда в 30-е годы закрыли церковь, отец поехал в Москву к Калинин. Добился приема у народного старосты, как его тогда называли. Беседа шла два часа. Калинин посочувствовал отцу, посоветовал перейти ему на советскую службу и уехать куда-нибудь в Сибирь, где его никто не знает. Отец ответил: “Я всю сознательную жизнь отдал служению Богу. Разве могу отказаться от веры. Да и

детей полная изба”. Калинин вошел в положение и церковь после его возвращения из Москвы снова открыли.

До этого отца уже дважды арестовывали: в 1918 и в 1923 годах, но за неимением улик выпускали. У нас проходили бесконечные обыски. Отца вызывали на унижительные допросы по ночам, все это подрывало его здоровье. За неуплату налогов церковь закрывали. Однажды ему осталось выплатить 40 рублей. Чтобы освободили от неуплаты этих денег, он пошел пешком в Сыктывкар - 85 км. Там добился отмены. Но в его отсутствие к нам подъехали 4 подводы и увезли всю мебель, вплоть до детских коньков и бамбуковых удилиц. Сколько слез пролили за эти коньки и удилица мои братья! Но наши страдания только начинались.

В июле 1937 года ночью раздался стук в дверь. Пришли из НКВД арестовывать отца. Тогда ему было 58 лет, был уже как лунь седой. Когда его забирали, он сказал нам: “Не отчаиваетесь! Господь вас не оставит!” Шестеро детей остались на попечении больной матери, инвалида второй группы, которой самой нужна была помощь. Самому младшему - Александру - было всего 10 дней. Мама только на днях выписалась из больницы, и отец поторопился окрестить его, чувствуя, наверное, что потом этого сделать не сумеет.

Несмотря на все трудности и лишения, которые нам пришлось перетерпеть, все мы выросли, вышли в люди. Действительно сбылись слова отца, и Господь не оставлял нас... Когда мне было 16 лет, я ночью возвращалась домой. Было это в конце июля. Когда я шла по тропинке к дому, то увидела женщину, всю с головы до пят в белом одеянии, только лицо виднеется. Она шла к нашему дому. Солнце уже встало, было светло как днем. Я, затаив дыхание, следила, как женщина медленно подошла к дому и зашла в хлев, двери которого были открыты. Когда я потом

заглянула туда, то там никого не было, как будто женщина испарилась. Тогда я этого видения очень испугалась, а сейчас думаю, что это Сама Пресвятая Богородица оберегала нас и наш дом. Благодаря Ей мы не погибли от нищеты и голода, получили образование, а мать избавилась от эпилепсии.

Когда отец сидел в Устьвымлаге, нам не давали с ним даже свиданий. И хотя кормили арестантов плохо, но он и в тюрьме сохранял для нас сахар, который давали ему к чаю. Потом, когда его отправляли из Усть-Выма, дали единственное свидание с матерью. Этот сахар он передал нам через нее завернутым в носовой платок, сказав со слезами на глазах: “Это детям гостинец от меня”. Отца расстреляли 12 сентября 1937 года под Нижним Човом. Как он провел свои последние дни жизни, где похоронен? Неизвестно. До сих пор места захоронений жертв репрессий под Сыктывкарком неизвестны.

После ареста отца у нас опять были обыски, описи. Отобрали дом, перевезли в колхоз наш амбар, отобрали всю землю. Нам оставили одну “клетушку” и небольшой глинистый участок, где не родился даже картофель. Обрекли нас, как детей “врага народа”, на нищету и вымирание. В годы войны нам не выдавали хлебных карточек. Мать, чтобы прокормить нас, ходила по соседним деревням собирать милостыню. Из-за болезни ее на работу нигде не принимали. Летом она бесплатно работала в колхозе на сенокосе, уборке хлеба. А пенсию ей давали вначале 5, а потом 10 рублей.

Когда мы подросли, маме оказывали помощь. Она уже ни в чем не нуждалась, была окружена сыновним и дочериним вниманием. Но жила она у детей только зимой, а летом до старости возвращалась в Усть-Вымь. Родина ее тянула как магнит. Умерла она 1 января 1985 года от инсульта. Бедная наша страдальица и мученица Елизавета Александровна... В

честь ее дали имя двум внучкам.

Не исчезло бесследно “поповское отродье”, как называли нас чиновники. Все выкарабкались, выжили. Младший мой брат Александр три года из-за недоедания болел рахитом, почему не мог встать на ножки и только ползал. Потом поправился, окончил 10 классов, строительный техникум, затем Архангельскую Лесотехническую академию. Проработал всю жизнь на руководящих должностях: заместителем начальника, главным инженером, начальником строительных организаций.

Брат Клеоник воевал в Великую Отечественную войну, лишился правой руки. После войны окончил Усть-Вымское педучилище, Сыктывкарский пединститут. Был направлен в Печору - преподавателем математики. Через год он стал директором школы. Проработал директором 33 года. Его школа стала одной из лучших в городе и в Коми. Ее потом так и называли - “школой Кириллова”. Отличник народного образования, заслуженный учитель Коми АССР, депутат городского совета нескольких созывов - он ушел из жизни в 59 лет. Сказалось тяжелое детство, раны и контузии, полученные на фронте. Но и до сих пор в Печоре с большой теплотой вспоминают о нем его воспитанники и коллеги.

Сестра Клавдия после болезни отца заболела туберкулезом. Жизнь ее была на волоске, требовалось хорошее питание, а где его было взять... Но и она выкарабкалась. Окончила фельдшерско-акушерское отделение Сыктывкарского медтехникума. Потом 40 лет всю свою душу и знания отдавала больным. Внимательная, заботливая, скольких она спасла от смерти! Награждена медалями “За доблестный труд”, трижды избиралась депутатом сельского совета.

Сестра Надежда, 1916 года рождения, окончила лишь 4 класса. Дальше не дали продолжить учебу: дочь священника. С 14 лет, посчитав ее за совершеннолетнюю, сельсовет обязал ее отбывать трудповинность. Она возила

почту на лошади из деревни в деревню, работала на сплаве наравне с мужчинами. Сплавляла плоты с мужиками до Архангельска, была рослой девочкой. Все эти работы она выполняла бесплатно. За трудповинность не платили. Такие работы выполняли дети священников и кулаков. И это не считалось эксплуатацией детского труда. В 17 лет она вынуждена была без паспорта бежать в Архангельск. Чтобы получить паспорт и сделаться полноправным жителем страны Советов, работала на лесопильном заводе. Благодаря ей мы не умерли с голоду.

От отца она унаследовала доброту и сострадание. Когда жила в Сыктывкаре, принимала всех у себя. Во время войны спасла от голодной смерти Клавдию и Александра. Благодаря ей брат излечился от рахита, а сестра от туберкулеза, а мы с Клеоником смогли поступить и закончить Сыктывкарский пединститут. Всем она шла на помощь и проявляла милосердие. Люди приходили лечиться к ней домой и она принимала на дому. На 73-м году умерла от инсульта. Все мы чтим память нашей сестры.

Я окончила Сыктывкарский пединститут, 32 года проработала в Печорской школе учительницей русского языка и литературы, награждена тремя медалями.

Я радуюсь, что сейчас верующие могут посещать церкви, что за это не преследуют, и что мы можем очиститься от отрицательного и покаяться в своих грехах. Особенность нашего времени состоит в том, что палачи и жертвы живут рядом, порой зная друг друга.

Прости нас, Господи, что мы забыли Тебя! Что дали разрушить храмы, созданные нашими предками! Будь милостив к нам! Верни нам силу и уверенность, чтобы смогли мы возродиться для благих дел! Господи, прости наш род! Дай нашим внукам обрести то, что мы потеряли!

А.Г.КИРИЛЛОВА.

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ

В 1931 году закрыли храм в Пажге. О. Иоанн начал служить в городе, в м. Кируль. В 1934-м году убили Кирова. В одну ночь взяли семьдесят церковнослужителей. Кое-кто не выдержал гонений - отрекся от религии. Они “каялись” по радио, они говорили о своем “прозрении” на митингах, о кознях клирикалов рассказывали в красных уголках... Отступников было немного, но такой шум поднялся вокруг каждого расстриги, что создавалось впечатление массового выхода из Церкви.

А священник Свято-Вознесенского храма вел службу, будто и не знал про тяготы. Тихий, кроткий, смиренный, он ни с кем не вступал в диспуты, обсуждения. Молился, выполнял требы и остерегался суеты всяческой: мирской и околоцерковной. Найти на него компромат было крайне сложно.

* * *

В 1935 году Сталин изрек:

- Дети за отцов не отвечают. Воспользовавшись временным послаблением, дочь о. Иоанна Соня успела поступить на курсы воспитателей детдомов при педучилище, А через год она уже отвечает за группу 200 трудновоспитуемых Няшерского детдома Это были дети врагов народа. Мальчики и девочки из семей дворян, купцов, интеллигентов... Растерянные от сыплющихся со всех сторон ударов судьбы, поникшие в несчастий. Это особый разговор, как 18-летняя девушка научилась быть каждому из них человеком нужным. Она увидела, что нашла свою стезю. И шла по ней 43 года.

* * *

- Когда арестовали папу, мы были в такой растерянности, что только плакали. Мы очень боялось: сейчас придут и всех отправят куда-нибудь в ссылку. Но больше всех беспокоила судьба отца. Посмотрела я на вдруг постаревшую мать, на младших Захаровых: что же, мне

надо идти к мучителям.

Сейчас и представить трудно как это опасно было - тревожить "органы". "Лишенец" ведь не имел никакой надежды на защиту закона, он - потенциальный враг самим фактом своего рождения, а если вдобавок ближайший родственник его в тюрьме, то враг-вражина бесспорный.

- Пришла я к прокурору по фамилии Нетыкса. Вошла, вся трепещу и еле слышно интересуюсь: где мой отец? Прокурор до-о-лго молчит, смотрит. А потом веско так: "Не ходите больше никуда, никого не спрашивайте: ни-кто-ни-чего не скажет. И я не скажу!" После этого мы и думать боялись, чтоб хотя бы поинтересоваться судьбой папы.

Списки реабилитированных уже в газетах публикуют. Уж сейчас-то самое время узнать, где мой безвинный папа похоронен. Надо бы письмо послать с этим вопросом туда, в органы. Но... до сих пор боюсь с ними дело иметь.

Мы сидим с Софьей Ивановной в горнице ее дома в Межадоре. Я осматриваюсь. Старая мебель, необходимые книги и никаких безделушек, никаких ярко раскрашенных плакатных календарей. На стенах фото молодых родителей, большой портрет безвременно усопшего сына-первенца, а за стеклом рукодельного серванта спасенная из разрушенной часовни икона Михаила Архангела.

В годы гонений ее прятали от посторонних глаз. И никто, вроде, не знал про тайный схорон. Но вот летним сухим полуднем занялся пожар в Межадоре. Народ был за рекой, в 12 километрах, на сенокосе. За час огонь охватил весь Маля-шор - нижний конец села. Сильный ветер гнал его к центру Межадора. И явились в дом женщины, самые что ни есть безбожницы, взмолились: вынеси против огня Михаила Архангела. Знали, оказывается, односельчане про тайник. С пением молитв, высоко подняв икону, пошли женщины встречать пожару. И, чудо, утих ветер, лег огонь. За один дом от Морозовых остановился.

- ...Брат мой, Борис Иванович, вы его знаете, - директор 12-й школы, видел дело отца. Работал он уже директором, а в партию не вступал. Вызвали его и говорят: Что же это вы, уважаемый? А он: да у меня прошлое сомнительное. Отец мой - священник репрессированный, вы, поди, не знаете.

- Мы все знаем. Вступайте в ряды...

- Хорошо. Но при условии, что я прочту уголовное дело отца.

Принесли дело на короткий миг, а сами рядом стоят - глаз не спускают. Только и успел он прочесть опись вещей, что от расстрелянного отца остались: крестик, очки, расческа... Перевернул страницу, а там диалог со следователем:

“ - ...Вы должны выступить по радио и объявить, что порываете с религией.

- Не могу.

- Вы должны сказать про разрыв с амвона своей пастве.

- Не могу!..”

Тут у Бориса Ивановича дело выхватили и унесли.

Такую вот историю я слышала. Может, что и не так передаю - не взыщите. А Борис Иванович вступил в партию. Кто его за это осудит? Вы его осудите?

- ...Я вот про всеобщий страх, - продолжает Софья Ивановна. - Сестра моя, Маргарита, когда умирала, просила племянницу: “Детям моим не обмолвись, что они внуки священника”. Это было в 1972 году.

* * *

Будь жив сейчас о.Иоанн, как бы он радовался, что растут у него 18 правнуков. Все они крещены в православии. Это ли не торжество веры? Так что не зря светилась ночами потаенная лампада в Свято-Вознесенском храме.

* * *

Дело № 16646. Синенькая тоненькая папка, в которой всего шесть листиков.

Страница первая. Просьба к прокурору Попову о выдаче

санкции на арест Захарова Ивана Михайловича, священника Кирульской церкви, который “систематически проводит контрреволюционную пропаганду против мероприятий советской власти. Захаров подлежит аресту и привлечению к ответственности пост. 58 п. 10 УК РСФСР”. Подписи сотрудников госбезопасности: Ковалев и Выжленцов. Тут же резолюция: “Арестовать. Прокурор Попов”. И было это 4 сентября 1937 года. А через полмесяца готово обвинительное заключение. “Протоиерей Захаров И.М. клеветал на партию и правительство, систематически проводил контрреволюционную пропаганду... в Кирульской церкви устраивал контрреволюционные сборища (в особой комнате) ...Будучи допрошенным, виновным себя не признал, по свидетельским показаниям достаточно изобличается. Следствие по делу считать законченным, предъявленное обвинение доказанным. Дело подлежит к передаче на рассмотрение тройки при УНКВД”. Под делом стоят те же подписи. Выписка из протокола заседания тройки. В ней всего-то четыре строки: “Слушали: дело обвиняемого Захарова И.М., священника. Постановили: расстрелять, дело сдать в архив”. Подписей нет. А число указано - 24 сентября.

Нет в деле показаний обвиняемого, нет свидетельских показаний. Привели священника в тюрьму и через два десятка дней приговорили к расстрелу. Просматриваю еще раз папку. Ага, вот серый, прошитый грубыми нитками конверт. В нем паспорт о.Иоанна. Выдан в 1936 году, действителен до 37 года. Паспорт без фотографии и содержатся в нем скудные сведения: год рождения, место прописки и несмыслимое “клеймо” в двух словах: служитель культа. Вот и все дело. Еще раз просматриваю папку. Вот следователь пишет: “Захаров виновным себя не признал (л.д.13)”. Л.д. - это лист дела. Стоп, но то дело, которое мне выдали, заканчивается бумажкой под номером

шесть. Вот еще непонятное место: "...устраивал контрреволюционные сборища... (л.д. №15, 16, 19)". А где эти листы? Изъяты? Кем, когда, зачем?

Работница чекистского архива утверждает, что сделали это давно. Странно. Родственник репрессированного, знакомившийся с материалами этого же дела, приводит фрагменты диалога о.Иоанна со следователем. Не в последний ли день перед приходом корреспондента "распотрошили" дело № 16646? Неужели ради чистоты мундира своих предшественников нынешние сотрудники Министерства безопасности продолжают скрывать всю правду о репрессиях тех лет?

* * *

Внучка о.Иоанна Ангелина Михайловна Морозова как-то показывала город туристам, шведам-мормонам. Привезла их и к Свято-Вознесенскому храму. Довольно индифферентно осмотрели гости церковь внутри, без особого любопытства прошли вокруг храма - все как везде в России. Случайно обмолвилась, что ее дед был последним священником этого храма, что был расстрелян за то, что не отрекся от Христа. И будто подменили флегматичных скандинавов. Ее фотографировали на фоне церкви и чуть ли не каждый из группы просил высокой чести запечатлеть себя с внучкой христианского мученика.

Ангелина Михайловна была в смятении. Вот, значит, как видят поступок деда эти скептические, пресыщенные лицезрением диковинок всей Земли люди. Они полны уважительного почтения к памяти человека, за Христа пострадавшего. А мы?

“ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК”

Летом 1903 года священника Успенской церкви в селе Помоздино, на Верхней Вычегде, Степана Афанасьевича Куратова перевели на священническую службу в село

Визинга. В том же году на его место в Помоздинский приход был прислан новый молодой священник Алексей Алексеевич Тюрнин, только что окончивший Вологодскую Духовную Семинарию и недавно сочетавшийся браком с Екатериной Дмитриевной Покровской, выпускницей Епархиального училища.

Отец Алексей и матушка-попадья Екатерина в то время были молоды и красивы, а по происхождению и по душевному складу благородны, - казалось, что Сам Господь создал их друг для друга, для совместной семейной жизни и богоугодной деятельности на духовном поприще.

Молодая чета сразу же с необычайным энтузиазмом приступила к исполнению своих пастырских и просветительских обязанностей. Отец Алексей начал просвещать детей Помоздинского прихода (села Помоздино, села Вольдино, села Бадьельск, деревни Сордйыв и деревни Вильгорт), главным образом, по предмету Законоучения. Помимо этого он учил не только детей, но и взрослых жителей прихода хорошему певческому мастерству. Примечательно, что для этой цели он привез с собой фисгармонию, изготовленную в Америке, и установил ее в школе. Под аккомпанемент этого инструмента на протяжении 27 лет учились петь днем школьники, а вечерами - взрослые любители хорového пения, простые жители-крестьяне Помоздинской волости. Все старожители Помоздинской волости до сих пор с восторгом вспоминают изумительно красивый и мощный голос отца Алексея.

Матушка Екатерина Дмитриевна преподавала в школе правописание и русский язык, кроме того, учила днем девочек, а вечерами - взрослых женщин мастерству шитья и вязания.

Отец Алексей обращался с прошениями в самые высокие правительственные инстанции, вплоть до Государя лично, о

необходимости открытия в селе Помоздино Высшего начального училища (так называлась тогда полная средняя школа), и он-таки добился своего - такая школа была открыта в 1915 году. Сохранилась любительская фотография, запечатлевшая момент закладки фундамента этой школы в 1913 году. Отец Алексей на этой фотографии освящает это богоугодное дело, а снимал это событие его шурин, Прокопий Дмитриевич Покровский. Здесь уместно будет отметить еще вот что. В коми республиканской прессе появлялись сообщения, приписывающие заслугу открытия (основания) средней школы в селе Помоздино известному коми писателю Вениамину Тимофеевичу Чисталеву. Но это явное недоразумение, а если говорить точнее - сознательная фальсификация большевистской пропаганды, стремившейся стереть из памяти людей всякие добрые дела и реальные заслуги священников в деле духовного воспитания и просвещения народа.

Теперь уже всем хорошо известно, что большевики не только стремились стереть из памяти людей всякие заслуги и добрые дела религиозных деятелей, но в массовом порядке уничтожали их самих...

Беда подкрадывалась постепенно, но неумолимо. В 1928 году большевики арестовали и посадили на 5 лет, якобы за контрреволюционную агитацию и пропаганду, 19-летнего сына Тюрниных, Серафима Алексеевича. Затем в 1931 году такая же участь постигла и отца Алексея: "Постановлением заседания тройки при ПП ОГПУ Северного края по внесудебному рассмотрению дел от 6 октября 1931 года по ст.58-10, ч.1 УК РСФСР заключен в исправительно-трудовые лагеря сроком на 5 лет", - сообщается в справке, выданной прокуратурой Коми АССР внуку отца Алексея, Анатолию Серафимовичу.

Сохранился подлинник "послужного списка", составленный отцом Алексеем в 1936 году, незадолго до вторичного

ареста его. В этом “Списке” он записывает, что “с 1931 г. 8 апреля по 1933 г. 8 июня был в заключении по решению гражданской власти в Беломорском концентрационном лагере”. Еще в 1975 году я беседовал со старшей дочерью отца Алексея, Марией Алексеевной, проживавшей в селе Вильгорт, и она рассказывала мне, что отец ее отбывал срок на строительстве Беломоро-Балтийского канала и за ударный труд был освобожден досрочно. После этого он еще пару лет служил священником Дмитриевской церкви в селе Дымково, недалеко от Великого Устюга, и, как уже было сказано выше, вторично арестован в 1937 году. Скупые строки “Справки из прокуратуры Вологодской области” сообщают об этом факте следующее: “Установлено, что Тюрнин Алексей Алексеевич... по обвинению в контрреволюционной деятельности, высказываниях террористического характера и по постановлению Тройки при УНКВД по Северной области от 14 сентября 1937 года подвергнут высшей мере наказания - расстрелу. Постановление исполнено 2 октября 1937 года”.

В деле разыскивания утраченных документов и сведений, ради восстановления доброй памяти своего деда, много сделал внук отца Алексея, Анатолий Серафимович, проживающий ныне в селе Помоздино. В “Заявлении” в Верховный Совет Коми АССР, отправленном в 1990 году, он сообщает о судьбе своего рода: “Мой дед, Тюрнин Алексей Алексеевич, 1881 года рождения, уроженец села Важкурья... подвергнут высшей мере наказания - расстрелу. Реабилитирован в 1989 году.

Мой отец, Тюрнин Серафим Алексеевич, 1909 года рождения, уроженец села Помоздино, был осужден в 1928 году... и заключен в концентрационный лагерь сроком на 5 лет. Реабилитирован в 1990 году.

Моя мать, Анна Петровна Попова-Тюрнина, 1905 года

рождения, уроженка с.Помоздино, была осуждена в 1934 году сроком на 8 лет. При этом дома беспризорным остался 4-хлетний сын. Срок отбывала в колониях Нижний Чов и Вожаель, где родился и я.

У нашей семьи конфисковали новый дом с пристройками, построенные моими дедом и отцом, лошадей и коров, отобрали все имущество. Мою бабушку, Екатерину Дмитриевну Тюрнину, в осеннюю ночь посадили на плот, оттолкнули в половодье и велели сплавиться до Котласа, что она и сделала. Вот так расправились с нашей поповской семьей.

Я в статьях законов не разбираюсь, но прошу Верховный Совет Коми АССР возместить мне нанесенный государством ущерб моему деду и моим родителям. С уважением - Попов Анатолий Серафимович”.

Такая вот наивная, но в то же время вполне законная и справедливая просьба к представителям верховной власти в республике. Разумеется, она так и осталась “гласом вопиющего в пустыне”.

У отца Алексея и матушки Екатерины Дмитриевны, кроме упомянутого уже единственного сына, Серафима, было еще пятеро дочерей: Мария, Нина, Лиза, Варя и Полина. Из бесед с Марией Алексеевной и со старожилами села Помоздино я знаю, что представители советской власти на местах весьма настойчиво заставляли их всех публично отречься от своего отца и поменять фамилии. Не все сестры смогли устоять перед угрозами. Но об этом помолчим, хорошо понимая всю бесчеловечную и противоестественную обстановку тех лет. Как за свои поступки, так и за все земные грехи наши каждый из смертных ответ будет держать перед Богом, а еще раньше - перед собственной совестью. Духовные подвиги мучеников Коми края, таких, как отец Алексей Алексеевич Тюрнин, несомненно, будут всегда служить людям добрым

примером, а в конечном счете - спасению наших душ. Да будет им вечная память в сердцах людей и царствие небесное!

М.ДИГНАТОВ

“ПЛАКАЛ И БЛАГОДАРИЛ БОГА...”

Уважаемая редакция газеты “Вера”!

Умоляю, прошу опубликовать маленький очерк о последнем ребенке священника Мысова Михаила Григорьевича, безвинно пострадавшего от репрессий 30-х годов на земле Коми. Геннадий Михайлович больше всех перенес мук и страданий. Всегда любил свою землю. Скончался 20 марта 1996 года в Сергиевом Посаде вдали от Коми родины. Я считаю своим долгом перед его памятью, памятью моего деда и бабушки сделать это. Не откажите, будьте милосердны.

Читательница газеты “Вера” с 1991 года Инесса Николаевна Колегова.

* * *

Он родился в семье священника Мысова Михаила Григорьевича. Геннадий Михайлович - шестой и самый младший ребенок, ровесник Великой Октябрьской революции. Ему было 14 лет, когда арестовали отца. Отобрали корову, лошадь, дом, огород. Мать Марию Венедиктовну забрали, пешком гнали до ст.Урдома, там отпустили за отсутствием документов. Вернулась изнуренная с растерзанным сердцем. Дома нет, хозяйство растащено, детей нет. Парализовало, и вскоре она скончалась на руках соседки. Младших, Паню и Геннадия, спрятал у себя сосед Константин Тупысев. Когда все затихло, милиционеры уехали, переправил мальчиков в Усть-Сысольск. Трудное было время, карточная система. Лишний рот в семье - обуза. Устроили мальчишек работать на Кирульскую конеферму, лошади были породистые

красавцы. Косили сено, овес, чистили, мыли, кормили, поили, пасли лошадей. За это получали гроши, но хоть продовольственные карточки выдали. В 15 лет его отправили в Архангельск работать в Соломбале на лесозаводе им.Молотова, жил в общежитии барачного типа. Подросток работал наравне со взрослыми по восемь часов в день, и даже в воскресенье. На руки денег не давали: завтрак, обед, ужин в столовой. Всегда полуголодный. Спознался с воровской жизнью. В одной из облав за драку был арестован и сослан сначала в Устьвымьлаг, потом Печорлаг, Сиблаг Бодайбо на золотые прииски. Подростком познал жестокости волчьих законов, не раз битый кованными сапогами конвоиров, униженный, голодный, холодный, вшивый, больной, пытался за себя постоять. В годы Великой Отечественной войны просился на фронт. Поповский сын, щенок, ублюдок - другого он не слышал. Но были среди заключенных добрые люди: жалели юношу, подкармливали его как могли. 15 лет беспросветной жизни в лагерях не переставал молиться днем и вечером. С выбитыми зубами, хромой, с перебитой голенью, почками, с язвой в желудке, седой тридцатилетним вышел на свободу в 1947 году. Он окунулся с головой в мирную работу, занимался садоводством и огородничеством, жадно и старательно работал, спешил, спешил делать добро. Но жил уже под выдуманной чужой фамилией. Обрел семью, но не мог иметь детей и страдал от этого. Через 50 лет разыскал свою старшую сестру Валентину, остальных братьев и сестры уже не было в живых, посетил их могилы. Изгнанный судьбой с родины, он всем сердцем тянулся к ней. На склоне лет приветствовал возрождение православия на родной коми земле... Грустны и трогательны его письма: "Очень длинные вечера и ночи в 78 лет. Лежишь в постели. Все тихо кругом. И вспоминается далекое милое детство в деревне Заборье, как на острове счастья. Нас окружала река

Вычегда. Места там красивые! Отец любил рыбачить. Таких огромных щук приносил! Мать, бывало, большой рыбный пирог испечет к обеду... Мы тоже рыбачили, и даже на охоту ходили за утками, на зайца. Дом был большой: кухня и три комнаты. Много было цветов, огромные фикусы. Наступили 30-е годы, и все пошло прахом. Шло поголовное уничтожение священнослужителей и их семей. Замолкли колокольные звоны, разграблены храмы, не слышно было церковного песнопения..."

Плакал и сожалел о страшных годах заключения, благодарил Бога, что он даровал ему счастливую жизнь во второй ее половине.

Жертва своего времени, все прошел, но устоял и остался верен православию. Царство ему небесное, вечный покой!

За пределами земного бытия

Священник Владимир Вольский: «Молитвенная связь с о.Владимиром Жоховым меня очень укрепляет...»

Наши читатели не раз встречались на страницах «Веры» с именем замечательного пастыря отца Владимира Жохова: Светлая память, Отец Сергей, Мать Мария, Гореть пасхальной свечой, «В этом вижу смысл...», Ревнителю. Это был, вне сомнений, самый яркий пастырь Коми республики в послевоенную эпоху. Столь же незабываемое впечатление батюшка оставил и на прежних местах своего служения. Рано или поздно кто-то должен был заняться исследованием жизненного пути отца Владимира всерьез. И вот несколько лет назад такой человек нашелся – отец Василий Вольский из Мурманска.

– Отец Василий, с чего начался ваш интерес к судьбе о.Владимира?

– Когда я был еще мирянином, на клиросе нашего

Мурманского кафедрального собора обнаружилась пачка старых фотографий. На них можно было увидеть и Жохова. Мне объяснили, что он – бывший военный – был первым настоятелем нашей церкви. Увы, больше в тот момент ничего не удалось узнать. Но я стал молиться об отце Владимире и дал объявление в нашей епархиальной газете с просьбой откликнуться тех, кто его знал когда-то. И вскоре люди начали звонить, приходить, писать – даже из других епархий.

– Что вам удалось узнать о его служении в Мурманске?

– У нас живы еще люди, которые помнят, как он приехал. Мурманск был, наверное, единственным губернским городом в России, где не было храма. Такое положение дел продолжалось с 1924 по 46-й год, что было неестественно даже для эпохи гонений.

И вот появился отец Владимир – возобновитель православной жизни в наших краях. Он очень быстро собрал общину, в которую привлек много интеллигенции. Батюшка был исключительно эрудированным человеком и умел находить общий язык с самыми разными людьми. Собирал деньги для помощи семьям погибших бойцов, по городу всегда ходил в облачении – для той поры это была откровенная проповедь, которая производила большое впечатление.

Отец Владимир Жохов с домочадцами. Семейная фотография

Я записал воспоминание о том, как люди из администрации города подходили к нему под благословение. Он увлек многих ко Христу. Прихожане не вмещались в церковь и в мороз, пургу и темную полярную ночь стояли на улице, желая хотя бы краем уха услышать молитвенное пение.

– Как долго пробыл у вас батюшка?

– Всего один год. Это немало, если священник трудится не покладая рук. За три первых месяца был куплен домик и переоборудован под храм с трехъярусным иконостасом, колокольной. У нас до сих пор сохраняются иконы, созданные при нем. Вполне возможно, отец Владимир сам их написал: моление у Чаши, Голгофу. Жоховский иконостас сохраняется у нас сейчас в Свято-Трифоновской церкви.

– И далее как развивались ваши поиски?

– К счастью, кстати, через вашу редакцию, мне удалось найти сына отца Владимира – Анатолия. Он прислал нам епитрахиль, поручи, покровец на Чашу, украшенные вологодским кружевом. И сообщил много подробностей из жизни отца. От него я узнал, с чего начался путь о.Владимира к священству.

Он родился на Северной Двине в Челмохте, есть такое село. С малых лет был верующим, ходил в церковь, но о том, чтобы себя посвятить служению Богу, не помышлял. Подлинное обращение произошло на фронте, где его, молодого кавалериста, контузило где-то под Львовом. Поле было усеяно убитыми и ранеными воинами, между которыми шли гестаповцы, добивая тех, кто еще дышал. А Владимир Платонович горячо молился и дал обет Господу – «если останусь жив, буду до конца жизни служить Тебе». И вот когда немец приблизился к Жохову и навел автомат, то

вместо выстрела прозвучал щелчок. Закончились патроны. Тогда гестаповец вырвал рожок, бросил его в о.Владимира, развернулся и ушел.

Нашли и выходили Жохова какие-то католические монахи. Потом он попал к своим, а всего во время войны был дважды ранен и получил тяжелую контузию, так что не мог уже дальше воевать. После увольнения из армии вернулся в Архангельскую область.

– Когда отец Владимир был рукоположен?

– 4 ноября 1945 года владыкой Леонтием (Смирновым). Владыка и сам был личностью легендарной (на фото: Жохов с супругой рядом с владыкой). Служил

настоятелем одного из храмов в Ярославской

области. Во время войны потерял семью, постригся в монашество, принял управление Архангельской епархией. Внешне он был похож на Феофана Затворника. Редкий подвижник.

После рукоположения отец Владимир служил в Соломбале – это район Архангельска, а в марте 1946г. был отправлен к нам, в Мурманск. Оттуда в Котлас, затем в поселок Красноборск и, наконец, в Сыктывкар, где на рубеже 60-х годов претерпел гонения. У меня есть бумаги с 15 пунктами обвинения батюшки. Это произошло в разгар хрущевского правления.

– Что было дальше?

– После того, как он был лишен регистрации в Сыктывкаре, около года ездил с женой и детьми по всей стране. Год! Все боялись его брать. Объясняли, что есть личное распоряжение Хрущева относительно Жохова – не

давать прихода. Батюшка, между тем, продолжал ходить в облачении, со всеми своими наградами. И один раз повстречал в Москве на Новодевичьем кладбище председателя президиума Верховного Совета Клима Ворошилова. У Ворошилова на этом кладбище была похоронена жена Екатерина. Увидев Жохова, спросил: «Кто такой?» Отец Владимир объяснил, что вот, инвалид Отечественной войны, оказался на улице без прихода. «В моей стране нет бродячих священников», – заявил Ворошилов, и отцу Владимиру был выдан документ: «Священника Жохова принять в любой приход страны». Но какое-то время его даже с этим документом не принимали, говорили: «Нам Ворошилов не указ». Однако документ есть документ – хоть какая-то зацепка. И Пермскому владыке Сергию удалось как-то уломать своего уполномоченного. Говорят, чуть ли не на коленях стоял перед чиновником.

**Владыка
Сергий
(Ларин) б**
ыл очень
интересно
й
личностью

–
аристократического
склада, тщательно
одевался, имел
связи в высших
эшелонах власти.
Долго состоял в
обновленческом
расколе, но потом
принес покаяние,
судя по всему,

совершенно искреннее. С этого момента и до конца жизни мужественно служил Церкви, боролся за каждый храм, был инициатором открытия Одесской семинарии.

Это был смелый человек. Когда его назначили экзархом Центральной Европы, он разоблачал в глазах православной эмиграции Никиту Хрущева как инициатора гонений на православие. На Западе этого тирана почитали как реформатора, связывали с ним какие-то надежды. По свидетельству одного из заграничных архиереев, владыка Сергей за полгода предсказал скорое отстранение Хрущева от

управления страной.
 В СССР пресса
 поносила
 архиепископа
 Сергия, что
 способствовало
 росту его
 авторитета. Как
 заметил один
 эмигрант, если бы
 советские газеты
 хвалили владыку,
 тогда бы мы
 насторожились.

Вот так – все боялись, а владыка Сергей принял Жохова и определил в причт кафедрального собора. О жизни отца Владимира в Перми мне, к сожалению, немного удалось узнать. Может быть, кто-то из читателей вашей газеты в этой епархии сможет об этом поведать. Анатолий мне рассказывал, как в те годы протекала жизнь в семье Жоховых. Как отец прививал детям любовь к Священному Писанию. Вместе они его читали, обсуждали, устраивались какие-то конкурсы, на которых дети за хорошее знание Евангелия получали призы.

Сам отец Владимир уделял исследованию и толкованию Писания очень много сил. Они нашли воплощение в книге «Библейские открытки», которую мне передал Анатолий Жохов. Это 600 страниц машинописного текста.

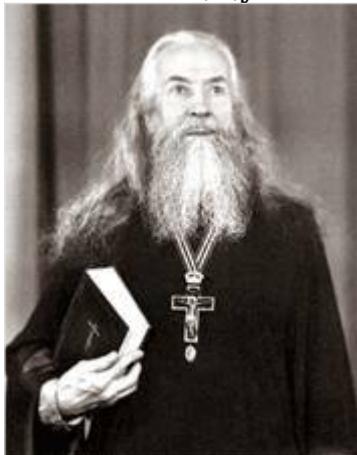
– Наша газета десять лет назад публиковала выдержки из нее. Кстати, вы не знаете, почему в названии книги употреблено слово «открытки»?

– Там на каждую главу Библии, начиная с Бытия и заканчивая Евангелием от Иоанна Богослова, есть небольшой комментарий, размером с почтовую открытку.

Батюшка четыре года ежедневно занимался этой работой, даже в командировках и отпусках. Толкования художественные, мне очень нравятся. Вот, например, толкование истории с расслабленным. Помните, там в пяти притворах купели лежали больные и ждали, когда ангел возмутит воду. Отец Владимир пишет, что купель – это образ человека, а пять притворов – это наши пять чувств. И больные, лежащие там, были слепы духовно, глухи к заповедям Божиим и так далее. Об этом нужно читать, пересказать очень трудно. Когда читаешь, то складывается впечатление, что батюшка знал Библию наизусть.

При жизни он не мог издать эту рукопись. Сохранился отзыв из журнала Московской Патриархии, что труд представляет большую ценность. Ведь толкования в нем перемежаются с дневниковыми записями, рисуют картину жизни советского священника в эпоху гонений. Там описано разное, в том числе и какие-то его нелады с другими священниками в Перми, после одного из которых он взял отпуск на 20 дней, чтобы успокоиться. Не мог служить в состоянии раздора.

Благодаря этой книге я познакомился с отцом Василием Чугуновым из Вологды, который многое мне смог поведать о Жохове. Они были дружны, отец Владимир иногда гостил в Вологде и оставил записи в том духе, что вот «сегодня проповедовал академик Василий Чугунов» (о.Василий закончил Духовную академию).

В последние годы жизни

Вообще жизнь меня самым неожиданным образом сводила с теми, кто знал отца Владимира. Один раз я сидел в столовой Троице-Сергиевой лавры и услышал, как женщина спрашивает, нет ли в зале кого-нибудь из Сыктывкара. Я заинтересовался, спросил, не знала ли она отца Владимира Жохова. А в ответ прозвучало: «Он меня крестил». Оказалось, что Лидия Константиновна Кузнецова, так звали эту женщину, хорошо знала батюшку, и мои сведения о нем в тот день обогатились. Она была крещена в обновленческой церкви, но отец Владимир крестил ее заново. Обновленцев он не считал даже еретиками, но предателями, и крещение их почитал как небывшее. После службы часто беседовал с людьми, особенно ценя молодежь. Приглашал ее домой, разделяя трапезу. Народный был батюшка.

– Кроме толкований на Священное Писание, что-то сохранилось из рукописного наследия отца Владимира?

– Да, стихи, например, и даже литературоведческое исследование Шекспира. Работа выполнена на хорошем литературоведческом уровне, с лингвистическим анализом текста. Он был широким человеком. Хорошо знал оперный репертуар, пел замечательно, увлекался филателией.

– Он где-то учился, кроме семинарии?

– В мастерской художника Лактионова. До войны работал художником по рекламе в тресте «Ленгоркино». И, кстати, был хорошо знаком с художником Глазуновым, которого неплохо было бы расспросить об о.Владимире. Сохранилась фотография, где они стоят рядом.

– Что вам лично дает исследование судьбы отца Владимира?

– Я чувствую его духовную поддержку. Это важно, сейчас мало осталось старых опытных священников, у которых можно было бы поучиться отношению к Богу,

Церкви, тому, как строить отношения в семье. Отношение батюшки к своим родным – это, быть может, самая замечательная сторона его личности. Он любил их беззаветно. Смерть сына Ивана, погибшего в армии, стала для батюшки страшным ударом. Читаешь строки, посвященные сыну, и плачешь. Отец Владимир с этого времени стал много задумываться о смерти. Написал работу «За пределами земного жития», привлекая самые разные источники, даже талмудические, задавался вопросами, размышлял. Но главным образом опирался, конечно, на Священное Писание и святых отцов.

с супругой Елизаветой

Особого рассказа достойны его отношения с супругой – матушкой Елизаветой Ивановной. Как и отца Владимира, я поминаю ее ежедневно на молитве и дома, и в храме. Она была медиком, познакомились они во Владимире, где Жохов какое-то время был иподьяконом у владыки. Во время войны обвенчались в Свято-Ильинском соборе Архангельска и всю жизнь прожили душа в душу. Матушка была очень предана мужу, удивительная женщина! Отец Василий Чугунов моей супруге как-то написал, что желает ей быть такой хорошей спутницей жизни для меня, какой была Елизавета Ивановна для отца Владимира Жохова.

– Когда ваша работа над биографией отца Владимира будет закончена?

– Материал все прибывает и прибывает. Воспоминания

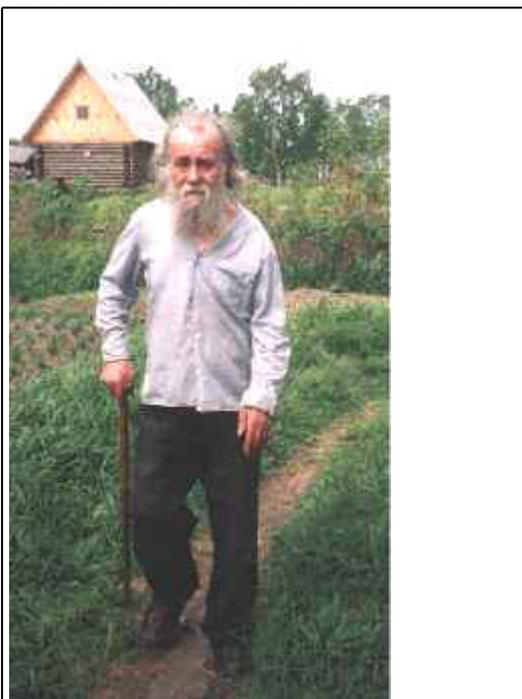
прислало уже множество человек. Возможно, придется готовить две книги – отдельно издать «Библейские открытки» и воспоминания об отце Владимире. Работа эта освящает мою жизнь. Бабушки из нашего храма улыбаются, говорят, что отец Владимир – мой небесный покровитель. И действительно, молитвенная связь с батюшкой меня очень укрепляет.

Записал В.ГРИГОРЯН

ТАЙНЫЙ СВЯЩЕННИК

О катакомбном батюшке о.Иоанне Сидорове

С математиком Александром Григорьевичем Порошкиным мы познакомились вот при каких обстоятельствах.

Последний прижизненный снимок

В конце октября прошлого года умер последний катакомбный священник в Коми – о.Иоанн Сидоров. Я долго, несколько лет, пытался написать о нем, о его судьбе, но не у кого было узнать подробности. Сам батюшка был очень болен, встретил меня ласково, но говорить почти не

мог. И вдруг недавно заходит в редакцию человек и просит газету с некрологом, посвященным о.Иоанну. Оказалось, что они родственники и с 1945 года были дружны – священник и ученый. Александр Григорьевич, как оказалось, профессор кафедры математического анализа в Сыктывкарском университете.

Пока разговаривали, Александр Григорьевич несколько раз переспросил меня, а можно ли писать о катакомбниках в нашей газете. Ведь они были как бы иррегулярными православными вроде староверов.

– Что же нам от своих бегать, – думал я в ответ.

Впрочем, мои слова немного значат. Приведу отзыв патриарха Алексия (Симанского). Однажды к нему обратился митрополит Киевский Иоанн (Соколов). Пожаловался, что у него в епархии очень активна катакомбная Церковь. И тогда наш патриарх-исповедник великодушно ответил:

«Вы должны не жаловаться, а благодарить Бога, что в вашей епархии так много мужественных христиан, не подклонивших выю атеизму, как это сделали мы. Их молитвы однажды спасут нашу Церковь» (цитирую по книге проф. Д.В.Поспеловского «Русская Православная Церковь в XX веке»).

Что к этому прибавить...

* * *

– На Рождество 45-го года открылся наш кочпонский храм, – начинает свой рассказ Александр Григорьевич Порошкин.

Мама моя была так рада. Как сейчас помню, 6 января 45 года это произошло. Старухи потом говорили, что вот Сталин церкви открыл – и война окончилась. Мы, лесозаводские ребята, пошли тогда на службу, вечернюю. Все было убого, икон мало, света мало, кругом следы былых безобразий – а на сердце хорошо.

Мать и сестра

А 24 февраля состоялось в церкви первое венчание после ее закрытия в тридцатых годах. Венчались Павел Андреевич Сидоров и Елена Григорьевна Порожкина – моя сестра. Павел Андреевич много тогда в храме потрудился. И столярничал, и плотничал. На германскую войну его не взяли, он на финской попал в окружение, был тяжело ранен в голову, так что родные не надеялись, что выживет, но он все же оправился. Награжден был за храбрость орденом, если не ошибаюсь, Красной звезды.

А спустя девять месяцев встречали мы с войны его брата – Ивана Андреевича. Вернулся он в начале зимы – молодой, улыбающийся, очень приятный человек и собеседник. Имел прекрасный голос и очень любил русские песни. Оба брата их любили. Про бродягу, Александровский централ, распрягайте хлопцы кони – много мы тогда вместе перепели.

* * *

Сержант
Иван Сидоров

На фронт Ивана Андреевича Сидорова забрали на пятый день войны. Несколько месяцев был стрелком, потом стал командиром отделения связи. Награжден орденом Красной звезды, медалями «За оборону советского Заполярья» и «За победу над Германией». Как давали ордена при Сталине, все знают. Поэтому можно представить, чего стоила Красная звезда сержанту Ивану Сидорову. Именно представить, так как сам он о войне говорить не любил. Они, оба брата, не любили вспоминать те тяжелые годы.

– В Церковь ходили регулярно, – продолжает Александр Григорьевич, – так мать их Евдокия Федотовна приучила. Меня удивляло всегда то, что оба брата наверняка не больше 5 классов закончили, рано остались без отца, но были очень эрудированными людьми. Знали много и имели редкостное понимание жизни.

Доставалось им это понимание нелегко. В начале пятидесятых Иван Андреевич попал в тюрьму. Вы его уже стариком видели, а в молодости он был очень живой, красивый, много у него друзей было. С любым человеком он моментально находил общий язык. Оба они с Павлом такими были. Принципиальные, но душевные люди.

Через дружбу Иван Андреевич в лагере и оказался. Как мне мама рассказывала, в поселке лесокombината была чайная. В конце войны открылась – в народе ее рестораном прозвали. Там в те годы работал фронтовой друг Ивана Андреевича. А сам он рядом трудился в пекарне. Однажды утром чайная открылась, а хлеба нет, не успели подвезти – как людей кормить, непонятно. Обратились тогда к Ивану Андреевичу: дай, мол, несколько буханок, потом оформим. Тот вынес хлеб. За то и сел. Приписали хищение социалистической собственности. Дали порядочно, но года через два, слава Богу, разобрались.

Там, в лагере, нашелся грамотный юрист. Выслушав, сказал, что не по закону его посадили. Ведь хищения не

было. Заставил написать прошение, после чего Ивана Андреевича действительно оправдали.

Хотя натерпеться пришлось. Рассказывал: «Отбой, все спим. В барак врываются несколько человек, набрасываются на спящего и убивают. А остальным уже, конечно, не до сна».

Вышел он из лагеря, сильно укрепившись в вере. Там, в заключении, как говорили после его недоброжелатели, и стал Иван Андреевич истинно православным. Возможно, впрочем, так это и было на самом деле. В середине пятидесятых начала образовываться у них дома община. Сестра и брат к нему присоединились. Люди обзывали их баптистами и в чем только не обвиняли. Но были они нормальными православными христианами. Их тогда гоняли намного больше, чем пятидесятников или баптистов.

С Револьтом Ивановичем Пименовым я как-то разговорился, нельзя ли вернуть книги, отобранные у Ивана и Павла при обыске. Он сказал:

– Можно попробовать, только они сами должны заявление написать. А кто они, собственно? Баптисты, что ли?

– ИПЦ, – отвечаю.

Револьт Иванович за голову схватился: их, говорит, гоняли так, как никого не гоняли.

Книг у них много отняли. Я две только запомнил – «Историю Ульяновского монастыря», очень интересную, и Апокалипсис дореволюционный, богато иллюстрированный.

* * *

о.Иоанн
в полном облачении

– Где Ивана Андреевича рукоположили, я не знаю, – говорит Александр Григорьевич, – одно время он жил на Украине и даже заочно учился в духовной семинарии в Одессе. Почему не закончил, мне неизвестно. Возможно, снова пришлось скрываться.

– Александр Григорьевич, а как Евдокия Федотовна отнеслась к тому, что все ее дети стали катакомбниками?

– Они так себя никогда не называли. Именовались «тихоновцами». Портрет патриарха Тихона у них был всегда. Икон было много, это все от матери Евдокии Федотовны, она их из церквей и часовен, которые закрывались, спасала от уничтожения.

Что касается Евдокии, то была она очень верующим человеком и сочувствовала всем, кого преследовали. Всех обиженных она привечала, кормила, жить к себе пускала – монахинь из разоренных монастырей, политических, которые из лагеря вышли, бытовиков. Это была исключительная христианка.

Так и детей своих воспитала. Дочь ее, сестра отца Иоанна и верная его сподвижница Мария Андреевна с 37-го по 47-й годы отсидела за веру. Власти ей потом какие-то деньги

пытались дать после реабилитации. Не знаю, взяла ли. Не в ее это духе. Они больше отдавать привыкли, а не брать. В доме у них постоянно кто-то жил из посторонних. Помню двух странников – Александра Федюнева с сыном Василием. Они часто бывали у нас. Полностью посвятили себя Христу, своего дома у них не было, милостыню просили. Очень любили наших. Придет Александр, а Евдокия лежит на печке.

– А ну-ка, освободи мое место, – шутит.

Но ему и правда никто ни в чем не отказывал. За столом сажали на главное место. Очень их уважали. Они отдельно ходили. Александр в пятидесятые годы пел на клиросе в Кочпоне. Прекрасный голос у него был. Низкий. Я еще, будучи студентом, услышал, как он славит Рождество и Пасху. С тех пор я тоже славил. Друзья это принимали за шутку. Я их не разубеждал.

Как советскому преподавателю, мне нельзя было выдавать свои чувства. Но меня в свое время вот что поразило. В конце 70-х к нам приехал один старший научный сотрудник из Ленинграда, читать лекции. И как-то раз, когда мы с ним за столом сидели, он рассказал, что академик Владимир Иванович Смирнов, один из крупнейших наших математиков, входил в двадцатку Никольского Собора. Смирнов! Герой соцтруда, кавалер четырех орденов Ленина, он не скрывал своей веры. Так и похоронили его по православному обычаю.

У меня на это духу не хватало. Я только слушал. Помню, Павел Андреевич мне в пятидесятых годах рассказал о случае массового утопления священников в Белом море. Можно было не верить, а можно было верить и ужасаться. Я ужасался...

Жалею сейчас, что не расспрашивал о.Иоанна о его пути. Потому немного могу вспомнить.

* * *

– А как о.Иоанн к нашей Церкви относился?

– Они ко всем относились очень хорошо. Радовался, что храмы открываются. Газету вашу охотно читал. Как я уже сказал, у них икон много осталось от Евдокии Федотовны. Однажды я попросил у него для усть-куломского храма образ Петра и Павла. Иван Андреевич не дал, объяснив, что это память о брате Павле. Но сказал: «Возьми любую другую». И сам посоветовал, какие взять.

Павел Андреевич умер в середине восьмидесятых. В те же годы отошла и Мария Андреевна. Много ей пострадать пришлось с братом. Годами в подполе они прятались у себя дома. Много на стороне жили. Чуть ли не до Молдавии доходили.

В последние годы мы виделись с Иваном Андреевичем часто. С племянником Женей я приходил то дров наколоть, то по огороду помочь. О.Иоанн, правда, все сам старался делать.

Иногда придешь, давай, говоришь, дров поднесем.

– Я сам. Физическая нагрузка мне тоже нужна. Без этого я быстро сдам.

Всегда был очень аккуратный. Все они в семье были чистюли. И телом, и душой. Очень отзывчивые. Через то и страдали. Года два назад Ивана Андреевича один пьяный сильно напугал. Попросился в гости. Иван Андреевич его пустил, как принято, чаем угостил. А потом мужик стал денег просить на выпивку, угрожать, окна побил. От этого Иван Андреевич стал заикаться, речь частично потерял, начал с палкой ходить.

Происшествие придвинуло его к смерти. Спать стал мало, часа в три проснешься – у него свет горит. Вычитывал Псалтирь, молитвы. Зрение у него быстро ухудшалось, поэтому читал через увеличительное стекло. А под конец совсем уже ничего не видел, даже света в комнате.

Я считаю, что в целом он прожил хорошую жизнь: и

родину защищал, людям всегда добро делал, был чутким человеком. И смерть в общем, как говорится, не очень тяжелая пришла. Не мучился. Так же, как мать Евдокия Федотовна. Пришло время, легла на полати, легко отошла. 94 года ей было. А Иван Андреевич в 86 отошел.

* * *

Перед глазами моими по сей день так и стоит старенький священник, горит свечка в ночи, а он через лупу разбирает псалмы. От каждого человека остается нам образ его, который не исчезает потом никогда. От отца Иоанна досталась мне эта неяркая картина. На следующий день профессор Порожкин принес фотографии и листок, исписанный не слишком разборчивым почерком. В нем распоряжение о.Иоанна о похоронах, его последние мысли. Быть может, они поведают о нем больше, чем наш рассказ.

Григорян

Оглавление

Тетрадь из чулана (Вишерский М.Ф.) - 1

Последний священник владычного града (Кириллов Н.К.) - 5

Тернистый путь (Захаров И.М.) - 29

Послужной список (Тюрнин А.А.) - 34

Плакал и благодарил Бога (Мысов М.Г.) - 39

За пределами земного бытия (Жохов В.) - 41

Тайный священник (Сидоров И.) - 51
